Предчувствие. Оно его сжигало, как на медленном огне, оно давило на сознание, оно мучило и терзало, выворачивало наизнанку, и в этом был страх. Он боялся и сам не знал, чего именно. Что-то должно произойти, что-то... На войне это *что-то* почти всегда смерть.

Первый раз так случилось больше года назад, когда несколько часов кряду ощущение тревоги тяжелой гирей лежало на сердце, мешало думать, рассчитывать свои действия, мешало управлять людьми. Его рота медленно поднималась по тропе, вьющейся к перевалу, саперы острыми жалами щупов и своими ногами искали мины. Прекрасная видимость позволяла наблюдать горные кряжи на двадцать и более километров вокруг, воздух благоухал прохладой, ослепительно-синее весеннее небо внушало надежду. И только эта тревога... В нескольких километрах западнее по другому хребту поднималась еще такая же рота, люди, похожие на муравьев, казались медлительными и смешными. Когда появилась пара боевых *вертушек*, на них никто не обратил внимания, армейская авиация всегда обеспечивала их операции, когда они далеко уходили от своей артиллерии, и наносила удары по плановым це-

лям. В этот раз все случилось иначе. Ведущая машина легла на боевой курс, и несколько секунд спустя две ракеты с шипением ушли к цели. Одна из них прямым попаданием накрыла ту самую другую роту. Какая нелепая, какая страшная ошибка! Но она случилась: все сделано, и там погибли люди. Жуткое и будничное зрелище разворачивалось перед его глазами, но что-то особенное, необъяснимое происходило с ним самим. Не стало тревоги, постыдное облегчение блаженно проникло в каждую клетку сердца, и он отчетливо расслышал уверенный внутренний голос: в этой операции больше ничего не произойдет. И не произошло.

Предчувствие, оно не подводило никогда. Оно стояло на страже его жизни, оно охраняло роту, которой он командовал, и вот уже многие месяцы в ней не было безвозвратных потерь. Но никто в роте не знал, чего это стоило их командиру, почему иногда без видимой причины он начинал через *мать-перемать*, через затрещины гнать своих солдат по расщелинам, камням, заставлял надрываться и страдать от жуткой, запредельной усталости. За глаза его звали *психом*, в лучшем случае — *рыжим чертом*, и не очень-то любили, каждый, конечно, судил по-своему, но главное заключалось в другом: с ним не боялись идти на операцию. А когда солдаты доверяют своему командиру, успех обеспечен — это и есть кредо. Ему он следовал неотступно, а поэтому натягивал свои нервы, как струны, и рвал их нещадно. Его тактические ходы со временем стали изобретательны, а накопленный опыт перерос в собственную теорию ведения войны. Какую? Тут все просто: разумное применение боевого устава плюс интуиция. Так вот, интуиция в его теории шла с грифом *совершенно секретно*, потому что ей требовался избыток адреналина в крови. Этот гормон стимулировал рефлексы и работу мысли, но главное, он заставлял среди обманчивого благоденствия предвидеть опасность. Он делал его стопроцентным командиром.

Вот и теперь на медленном огне горела душа. Как и более года назад воздух благоухал прохладой, ослепительно-синее небо внушало надежду, еще зеленая, не выгоревшая на солнце трава мягко стелилась под ногами, невдалеке негромко, умиротворенно вздыхал Панджшер, а выше по ущелью, у самого горизонта виднелись несравненно белые шапки ледников. Чем не Австрийские Альпы? Чем не рай на Земле? Наверное, таким и должно быть счастье... И ни одного выстрела с самого утра.

Почему ни одного выстрела? Мы уже вошли на территорию духов, почему они не стреляют? Как вам вопрос для райского местечка? Вопрос был нормальным, потому что его уже несколько раз задавал себе лейтенант Григорий Маркелов, командир мотострелковой роты, воевавший в этих горах уже полтора года. Когда-то давно его головной взвод напоролся на засаду и лег там почти полностью в чужую землю. Не мог он себя в этом винить, но и забыть тоже не мог. С тех пор в роте не погиб ни один солдат, и Маркелов этим гордился.

Сегодня рота находится в передовом отряде полка, обеспечивает работу саперов. Операция обещает быть долгой, надо очистить от душманов восточный, отдаленный район Панджшера, собственно, это и есть район их базирования, группировка сил у них здесь серьезная, несколько местных бандформирований плюс подразделения, обученные в Пакистане. О движении войск по ущелью *духам*, конечно, известно, и, если они что-то задумали, то достанется именно тем, кто идет впереди. Пока саперы снимают очередное минное поле, один из взводов Маркелова прикрывает их, у остальных же солдат есть возможность для привала.

Ротный оглянулся по сторонам. Боевые машины пехоты, направив орудия на горные хребты, стоят с заглушенными двигателями на каменистой панджшерской дороге. Их экипажи через оптические прицелы ведут наблюдение за отрогами, скалами, ищут пещеры и вражеские огневые позиции, а поискать здесь есть где. Когда же он перевел взгляд на свою пехоту, расположившуюся за камнями и разрушенными дувалами, его что-то кольнуло в груди. Он вдруг представил, как они выглядят сверху, как их видят *духи* через свою оптику, и его словно прорвало. Выражаясь самым доходчивым, но не вполне цензурным языком, он *оторвался* на всех, чьи головы, спины, плечи выглядывали, торчали из-за укрытий. Несколько или испуганных, или обиженных взглядов скользнули по нему, на что он не обратил никакого внимания, но, наоборот, удовлетворенно наблюдал, как солдаты выполняли указанный им «маневр». Ни благодарности, ни понимания от своих бойцов он не ждал — *пусть мамы «спасибо» скажут, когда их дети домой живыми вернутся, это и будут мои самые дорогие медали и за службу, и за выполнение долга*. Он еще раз огляделся. Вот теперь порядок, ни одна задница не торчит, все мыши — по норам.

Дальше случилось то, что он будет помнить всю свою оставшуюся жизнь, сколько бы ни было в ней дней и лет… Ему вдруг показалось, что Время остановилось, либо текло так медленно, как, как… как что? Как густой кисель, и среди этого вселенского торможения заботливо, мягко, но настойчиво прозвучал молодой голос:

— Товарищ лейтенант, укройтесь. — Маркелов медленно повернул голову, но рядом с ним никого не было. Что за наваждение? Кто это? Кто беспокоится за его жизнь?

— Товарищ лейтенант, укройтесь, — голос оставался мягок и настойчив.

«В самом деле, всех разогнал, а сам стою столбом», — Маркелов чуть улыбнулся своим медленным мыслям и так же медленно стал сползать спиной по толстому стволу старой чинары. Мимо его лица неторопливо опускался парашют зеленых листьев, он приподнял глаза — там, где только что находился его лоб, колебалась ветка со свежим белым срезом. Подумать о том, что это значит, он не успел.

Два резких хлопка, пронзительный свист пуль вернули Время из оцепенения, оно мгновенно стартовало и понеслось неудержимой лавиной. В двадцати метрах слева от командира роты с пулей в затылке рухнул сержант Хорошев (откуда он взялся?). Саперы, еще не закончив снимать мины, скатывались с дороги в рытвины, за камни. Взвод прикрытия в течение нескольких секунд искромсал в труху все прибрежные и придорожные кусты и, перенеся огонь на сто-двести метров дальше, вогнял раскаленные очереди свинца во чрево бокового ущелья. Орудия боевых машин короткими и длинными очередями 30-миллиметровых снарядов дробили тысячелетние камни гор… Тот, кто это сделал с Хорошевым, не должен был и не мог остаться живым.

Четыре солдата, еще на что-то надеясь, выносили сержанта в безопасное место, из его затылка текла багровая кровь, тело била агония. *Это конец. Жаль парня, из него получился бы толковый командир. Но как странно: две пули — две цели. Если стреляли из автомата, то в кого из нас целились? Если стреляли два снайпера, то почему одновременно? Чей это был голос, кто предупредил меня? Ну, не ангел же, в самом деле? Откуда же эти спасительные слова*? Мысли наталкивались

одна на другую, но ответа он так и не нашел. Опять, как много раз раньше, как всегда, холодная ясность ума овладела его сознанием, в его действия вернулся осознанный расчет, и совершенно не стало эмоций. Ничего губительного больше не произойдет — вот что Маркелов знал точно.

Операция длилась еще целый месяц. Уже через сутки полк забрался куда-то на высоту свыше четырех тысяч метров, потом он разделился на батальоны и роты. Моджахеды покидали этот район, но их настигала дальнобойная артиллерия и авиация, и многие из них навсегда остались на горных склонах Панджшерских ущелий. Вместе со своими кишлаками были разгромлены два или три бандформирования *духов* и те самые подразделения, обученные в Пакистане. Были и другие успехи, отраженные в боевых донесениях, в армейских отчетах, но для ротного было важно, что он и его люди все свои задачи выполнили.

В расположение вернулись в конце июля. После бани и торжественного ужина, да еще с горючим самогоном, лейтенант проспал без тревог и сновидений часов двенадцать и проснулся свежим. В молодом организме силы восстанавливаются быстро, тем более, что и старшина-татарин позаботился о своих офицерах на славу, уж постарался. Белоснежные простыни после камней и песчаника казались верхом роскоши, а рагу из свежего мяса и манты — шедевром кулинарного искусства, кстати, где взял мясо, старшина так и не признался. В далеком далеке остался и мгновенный росчерк душманской пули, и белый срез качающейся ветки: сколько всего случилось в этой войне, разве сочтешь, и разве можно в ней выжить, если помнить все события ожогами нервных окончаний. Душа черствела и становилась невосприимчивой, этим и спасалась от разрушения.

На следующий день, когда Маркелов приступил к своим обычным обязанностям, к нему обратился солдат из отделения Хорошева и сбивчиво объяснил, что вот, мол, гроб и личные вещи отправили, а фотографии и записную книжку забыли, наверное, не нашли. Да, теперь это будет храниться у командира роты, он знает, как поступить с последней памятью. Оставшиеся документы своего сержанта Маркелов мог бы отправить и почтой, но по неясной причине делать этого не стал, а положил в свой чемодан на будущее.

Прошло несколько лет. Он вернулся домой почти без царапин, если не считать, что у него начинала «съезжать крыша», когда рядом творились предательство и хамство. По этой причине почти сразу уволился из армии, кроме того, его опыт оказался никому не нужен в мирной стране. И самая главная потеря заключалась в том, что у него не стало предчувствия, оно пропало без следа, как будто бы его не было и вовсе. Даже слова, некогда спасшие ему жизнь, стали казаться фантомом надломленной психики и мистификацией. Но как-то, пытаясь разобраться в своем архиве, он нашел давно забытые фотографии и не мог понять, чьи они. Юная женщина и грудной ребенок, изображенные на снимках, ему ни о чем не говорили. Пришлось поломать голову, и он вспомнил. *Вот так-то, рыжий черт, а за тобой должок*. Восемнадцатилетний Сережа Хорошев был женат, и у него рос сын, который никогда не видел и уже не увидит своего отца. *Никакой почты. Надо решиться.* И он решился. Решился на то, чтобы предстать перед глазами родителей и вдовы тем командиром, который не уберег своего солдата, их сына и мужа. Жизнь раскручивала новый виток, но война не хотела отпустить бывшего ротного, она требовала его душу на свой алтарь, как запоздавшую, но законную жертву.

Деревня Сабуровка с незапамятных времен потерялась где-то среди воронежских степей, непосвященному найти ее непросто, и вот именно сюда он ехал как на казнь. Колеса неторопливо постукивали на стыках рельс: что там, что там, что там... Еще не рассвело, когда он постучал в окошко скромного сельского домика, и на вопрос «Кто?», ответил бестолково: «Служили вместе». Уже потом, когда он увидел двух пожилых людей, вытянулся перед ними в строевую стойку и доложил по всей форме, кто он есть. Его сердце стучало, как перед самым главным экзаменом, он никак не мог расслабиться, и всем своим обликом говорил: я готов. Но то, чего он так боялся, не состоялось. Старушка мать горестно всплеснула руками и заплакала, а отец прижал его к себе дрожащими руками и сказал так, как способен сказать по-настоящему русский человек: «Спасибо тебе, Григорий, что ты приехал, что не забыл нашего сына».

Сначала они пили водку, потом самогон, потом у всех троих текли слезы, потом непрерывным потоком шли и соседи, да и вообще все деревенские, потом они сходили на кладбище, а длинная повесть о войне все продолжалась и продолжалась. Назойливо, нескончаемо в душу проникали слова: «Товарищ лейтенант, укройтесь... товарищ лейтенант, укройтесь...» Он им не верил, но следом за ними снова текли слезы. В этой деревне помнили и другую войну, которая терзала окрестности сорок пять лет назад. Все было. И вот теперь, в наше время, этот дом посетила смерть, без стука, как обычно, и так же жестоко. Но даже она оказалась бессильна перед огромной русской любовью. В этом доме его ни в чем не винили и смотрели на него, как на человека, которого не убили на войне. В его жизни это был момент, а может быть, и целый день истины...

На железнодорожный полустанок он возвращался на колхозном тракторе, который то и дело увязал в глубокой мартовской грязи, в рыхлом снегу, и только одно, последнее, нелепое предчувствие саднило его душу: *неужели ты никогда не вернешься сюда, рыжий черт, неужели никогда?*

ПОЛЕ БРАНИ

Осень выдалась тяжелой. Каждый день то одна, то другая рота ввязывались в бой, по расположению полка регулярно часа в три-четыре пополудни били минометы, а еще эти подрывы... Каждый день убитые, раненые, изувеченные, потери шли непрерывным потоком, и в какой-то момент это стало до низости привычным. Мрачной тучей над полком висела тревога и ожидание чего-то предначертанного, солдаты перестали улыбаться, и мне было не по себе, оттого что они все еще доверяют своим офицерам, их умению вести войну. Я и сам поборник армейских традиций, горжусь славой нашей армии, но... Военная машина давала сбой. И пусть спрячет подальше свой героический пафос тот, кто не был той осенью в Панджшере, я не смогу ему объяснить, как это: просыпаться с вопросом, чья сегодня очередь? Мне нечего придумывать — мне бы только не забыть.

К тому времени я прослужил в Афгане более полугода, это серьезный срок, несколько месяцев командовал ротой, все ущелье вместе с ней от Гульбахора до ледяных верховьев прошел, много чего увидел и понял, но вот только не смысл этой затянувшейся войны. Мы с афганцами или с кем? А если мы с афганцами, то кто же тогда против нас? Не складывается что-то... Да и черт с ним, со смыслом, стоит только перешагнуть через

штамп, вбитый в голову, и сразу станешь незваным гостем, интервентом, хуже того — оккупантом, а безжалостный душман, моджахед превратится в отважного патриота. И что со всем этим делать? Кто-то ответит? Нет уж, повременим с ответами, у меня люди, целая рота, и завтра очередной рейд, а перед рейдом такие вопросы себе лучше не задавать, получил приказ — выполняй, философ…

То, что солдаты доверяют мне, по крайней мере, я узнал совершенно случайно, это было открытие, равного которому нет. Совсем недавно, в конце августа, когда моя рота шла в передовом отряде полка, на нас сбросила несколько бомб своя родная авиация. Бывает, все мы люди, все ошибаемся, главное, с кем Господь Бог, так вот, в тот день он нас не оставил. Не то летчики были с похмелья, не то молодые совсем, но первые бомбы в нашу высоту не попали и ушли с большим отклонением влево и вправо, я даже не сообразил, чего же они хотели. И только третья легла так близко, что до самого последнего, самого бестолкового бойца дошло, какая им нужна цель. И вот четвертый заход. Со стороны солнца, как учили. Штурмовик забрался высоко, лег на боевой курс, превратился в точку. Он падал прямо на меня, а я стоял в полный рост, приложив к глазам ладонь, завороженно смотрел в синюю бездну и знал, что сейчас произойдет. Теперь он свою цель достанет, то есть меня и мою роту. Странно, но в этот момент я был совершенно спокоен. Нет, я не безбашенный, и думаю, что не дурак, но в жизни бывают вспышки озарений, когда понимаешь, что все это нужно принять как есть, как свою судьбу. Точка росла. Потом их стало две — это отделилась бомба со стабилизирующим парашютом — мертвящая тишина наполнилась последним шелестом…

Из-под своих нехитрых укрытий, из-под камней, разбросанных по голому хребту, ко мне бежали мои солдаты, они бежали со всех сторон — в их глазах дикий страх смешался с надеждой, в эти последние, то есть крайние, секунды они верили, что я их спасу! Или так проявляется инстинкт, этот необъяснимый внутренний компас, заменяющий рассудок? Если так, то десятки магнитных стрелок были обращены ко мне, как будто в эти секунды я стал железным. Сказать, что я был потрясен, ничего не сказать, я должен был их спасти! Я должен! В этом и было озарение. Колька-замполит схватил меня за грудки:

— Командир! Полундра! Спасайся, кто может! — Он кричал, он был безумен, и я сильно ударил его по лицу, чтобы он замолчал.

— Заткнись, сука, без паники! — я злобно шипел, подавляя его бурные эмоции. — Ложись! На землю! — теперь я орал во всю глотку, чтобы моя воля дошла до каждого, чтобы мне беспрекословно подчинились. Бойцы улеглись плотно, голова к голове в два слоя, как пирог, и мы с замполитом легли на них сверху, обняв их руками и ногами. Опустив голову в эту теплую человеческую массу, я сказал самые добрые, самые идиотские слова, какие только смог придумать:

— Теперь все в порядке, вместе умирать не страшно, нам не будет больно, — я не кривил душой и сам верил в то, что говорил… что нам не будет больно.

Никогда раньше не знал, как долго они падают… Разрыв! И больше в мире не осталось никаких звуков. Земля под нами поднялась, как будто тяжело вздохнула, и медленно осела. Я боялся открыть глаза, пошевелиться и вытягивал, как жилы, секунды ожидания. И все молчали и не шевелились. Наконец, я приоткрыл один глаз — все вокруг, включая небо, стало коричневым, клубы пыли и больше ничего. По телу теплой

волной растекалось блаженство то ли расслабления, то ли отупения, поди разбери, когда все мысли закончились, и заводить их заново не было никаких сил.

Первым не выдержал паузы замполит. Он вскочил, отряхиваясь от слоя густой пыли, и деловито начал отсчитывать шаги к краю воронки.

— Командир, девять метров!

Я смотрел не на воронку, а на маленький, не выше одного метра, бугорок между нами и этой воронкой и медленно понимал, что он принял на себя все осколки и ударную волну, а ведь это он и есть отметка нашей высоты. Колька все так же бодрился.

— Если бы эта *дура* разорвалась чуть ближе, нам была бы крышка.

— Ты что, охренел, какие «если»... Лучше радиостанцию давай, надо спросить у комбата, что у нас сегодня с авианаводкой.

Это была увертюра. И вот пришла осень. Стояла удушающая жара, в горах давно пересохли десятки родников, обозначенных на карте, а после летних скитаний, как тараканы после травли, в ущелье стягивались *духи*. Мы их и ненавидели точно так же, как этих тараканов, готовые растоптать армейским ботинком, они в ответ платили нам искренней взаимностью. За нашей спиной остались несколько месяцев почти непрерывных рейдов, и в моей крови поселился устойчивый вирус отвращения к тяжелым, невыносимым переходам по заоблачным хребтам, высотам, замысел которых был слишком прямолинеен и очевиден. Наверное, поэтому духи готовили такие удачные, такие выверенные засады. Да еще весной, покидая ущелье, они оставили в нем тысячи мин, и все это время наши солдаты и офицеры рвались на этих минах, теряли в горах ноги и руки, жизни. Зачем? Этот вопрос долгим эхом повис над Панджшером, не находя ответа. Конечно, высоким правительственным мужам он был известен, в их совершенно секретных документах есть ответы на все. Нам же, скрипя зубами, оставалось верить, что завтрашний день все-таки наступит и будет, по крайней мере, не хуже предыдущего.

Разведывательно-поисковые действия, как правильно назывались наши рейды, не приносили желаемых результатов, мы наматывали несчетное количество километров горных троп, подбирались к пятитысячникам, прочесывали брошенные кишлаки, солдаты теряли до двенадцати килограммов веса за один только выход, и чаще всего — напрасно. В небе, над ущельями, постоянно барражировала армейская авиация, батареи стволов орудий и реактивных установок были готовы обрушить тонны железа на затаившегося врага. Но им всегда нужны цели, точные цели. Вот мы их и искали. Моджахеды, воины ислама, а суть та же, *духи*, будь они прокляты, уходили от открытого контакта. Их партизанская война строилась на засадах, на коротких стычках, так, чтобы наверняка. И надо отдать им должное, это они умели делать.

Обычно все начиналось ближе к вечеру, на заходе солнца. Ярко-желтый диск слепил глаза, закрывал горизонт и очертания гор, приятная прохлада обволакивала потные тела, близость ночного привала убаюкивала, и самый стойкий солдат гнал от себя мысль, что на войне не бывает выходных. Мои люди уставали неимоверно, мне иногда казалось, что им все равно: жить или умереть. И именно к вечеру в их глазах появлялось это пугающее равнодушие. Иногда я замечал, как безучастно они смотрят в пропасти, подумаешь, ерунда какая, постоять на карнизе небоскреба. И вправду, ерунда...

Но вот пришла очередь и моей роты вкусить истинную, глубинную сущность любой войны — науку жить и умирать.

Не любил меня комбат, не любил, наверное, с этого все и началось. Моя рота почти всегда в батальоне шла первой, разгребала всякое дерьмо. Впрочем, успешно. Я со своими ребятами в порядке обмена опытом мог бы преподать урок горной войны любому специалисту. Мы часто шли без тропы, и поэтому меньше подрывались на минах, мы использовали перебежки, ползали по-пластунски, применяли огневое прикрытие, когда в воздухе висела опасность, мы шли несколькими колоннами вместо одной, и это давало возможность для маневра в бою. В этот раз все вышло не так.

Высота 3141 в верховьях Пьявушта чуть возвышалась левее основного хребта, тянула его к себе, отчего тропа, шедшая по хребту, изгибалась дугой. Мы уже миновали Чимальварду, кишлак, лежащий в глубине ущелья. До высоты оставалось километра два, если идти по гребню хребта, теперь она хорошо просматривалась и без бинокля. На сегодняшний день это была конечная точка пути, и манила она к себе не только одуревших от усталости солдат. Комбат вышел со мной на связь. Он дал команду роте сойти с гребня и дальше выдвигаться по выгнутой тропе, напомнил про мины. С минами беда, и напоминать не надо, а вот местность передо мной была видна на всю глубину задачи, и поэтому я не насторожился. Действуй я один, без соседей, без поддержки, никогда бы не отдал гребень, потому что уже знал, как попадают в засаду. Потому что обратные скаты всегда дают шанс на успех. Потому что в этот раз справа и сверху мы оставляли продолговатую возвышенность. Пологая, без видимых расщелин и завалов камней, она не вызывала опасений, а уже через двадцать минут осталась за моей спиной. Ни одна из рот, шедших следом, эту возвышенность не заняла, но этого я уже не видел.

В голове ротной колонны, медленно прощупывая податливый грунт, шли три сапера, за ними — десять человек из четвертого взвода с Петей Костюком, командиром, сзади в пятидесяти метрах — я с группой управления, а уж дальше — вся моя остальная пехота. Прошлой ночью Петя просился в отпуск, к младшей сестре на свадьбу, я пообещал его отпустить, вот только закончим эту операцию. Его взвод по тропе миновал иссеченную трещинами десятиметровой высоты скалу, вступил на усыпанную валунами площадку и скрылся на повороте из виду. Скрылся навсегда...

Вот оно! С грохотом и визгом убойные цветные жала, трассирующие пули ровной строкой воткнулись чуть левее меня и тех, кто шел следом, обсыпав нас крошками, кусками щебня, отбросив к скале. Тут же вторая и третья очереди вспахали и тропу. Это пулемет, бьет плотно, с короткой дистанции. Нас отсекают. Потом займутся Петькиным взводом. А может быть, уже начали. Найдя какую-то щель в каменной стене, я втиснул в нее правое плечо, попробовал отдышаться, не получилось. Сердце било так, что эта стена сотрясалась, но мне повезло, я не успел почувствовать страх. Напрасно я кричал, чтобы Петька врезал из всех стволов и отходил, это был единственный шанс, но меня никто не слышал. Я оглянулся, ребята из моей группы распластались, где упали, и даже не пытались поднять головы. Они и не могли это сделать, настолько плотным и яростным был огонь. Их хватало только на то, чтобы ладонями, ногтями выгребать из-под себя щебень, песок, пытаясь втиснуться ребрами и локтями в сырую плоть земли. Патронов у духов было много, хорошо подготовились. Чуть дальше по склону методично вспухали фонтаны земли, пули

брили стену, бились в камни у самых ног, непрерывно, как дождь, сыпались осколки камней, высекаемые из валунов, из скалы, страшно, до зубного скрежета, выли рикошеты. Мы молчали, и никто на нашем месте не сумел бы ответить огнем на огонь. Так вышло, и мы опять разгребали дерьмо.

— А ну, голос подай, кто жив!

За моей спиной все было в порядке, откликнулись все пятеро, судя по голосам, никто не паниковал. У меня самого немного дрожали пальцы левой руки, это излишек адреналина, надо бы закурить, а там разберемся. Чему быть, того не миновать, логика, черт бы ее побрал. Странно, но с этим гадким табачным дымом всегда приходило равновесие. Дым заполнял легкие, вбирал в себя всю черную энергетику, всю грязь, и вместе с ней уходил на выдохе. Ситуация стала проясняться. Четвертая рота шла за нами также ниже гребня хребта и тоже была под огнем... Не под таким плотным, как у нас, но разве ж они что-то предпримут? Не смогут, да и зачем им подставляться? Вот за это и не любил меня комбат, за изобилие свежих мыслей. Если уж воевать, то азартно, с выдумкой, это я так думал, а о чем думал он, не знаю. Замыкающая пятая рота должна была перевалить через хребет, занять возвышенность за моей спиной, обойти ее и хотя бы одним пулеметным расчетом вжарить по духам. Должна была... Где-то сзади находились и минометы, работа по этой высотке как раз для них. Но зачем же весь батальон пошел по одной простреливаемой тропе? Похоже, не ходить мне в любимчиках.

Духовская высота от меня хорошо просматривалась, расстояние до нее не превышало двухсот метров, перед ней естественным рубежом лежала каменная гряда. Пришла пора и мне приниматься за работу. Приложив приклад к неудобному левому плечу, я начал методично, пуля за пулей, обрабатывать каждый камень гряды, каждый выступ, за которым мог быть враг. Теперь было важно не дать духам прицельно стрелять, заставить залечь, отойти, а если уж кто-то получит отметку во лбу, так разве я против, на все воля Аллаха. Они действительно на время притихли, оказавшись под огнем, им не понравилось, но потом стрельба разгорелась с новой силой. Рядом, уткнувшись носом в щебень, лежал мой замполит, он правильно делал, что молчал и не задавал дурацких вопросов. Вообще-то Колька Черновязов душевный человек, компанейский, а то, что как-то терялся в бою, так что ж судить, у каждого есть свой предел терпения и выдержки, я никогда его за это не упрекал и никому об этом не рассказывал. Это были наши внутренние ротные дела. Зато он умел вправлять кишки в распоротые животы и собирать оторванные ноги, а я не умел и не мог. Сегодня он даже пытался стрелять, выглядывая из-за своего плоского камня, но его горячие гильзы прямиком били мне в лицо, в шею, и мы эту затею оставили.

Бой не стихал, и вот замполит не выдержал:

— Командир, надо бы комбату доложить.

— С его КП здесь прямая видимость. Так что все он видит и все понимает. Загнал нас в западню... — Свинцовые жала продолжали бить стены, прощупывать наше логово, долбежка не ослабевала, и нам приходилось кричать друг другу.

— Но у нас там четвертый взвод!

— Да, у нас там четвертый взвод! И он ему ничем не поможет. Ему бы теперь о себе позаботиться, разбор будет.

Не знаю, сколько прошло времени, солнце уже приблизилось к ли-

нии гор, к горизонту, когда стрельба сместилась правее, за уступ нашей скалы, где был Костюк со своими солдатами, а чуть позже выше, почти над нами, раздались глухие разрывы гранат. Внезапно в ущелье ворвался и повис над ним дикий безумный вопль. Неистовый, истерзанный, он вобрал в себя все последние силы чьей-то изрубленной, уходящей жизни. Он проникал иглами в мой мозг, раздирал душу, и это было невыносимо. Я стал обездвижен, я окаменел и скорее почувствовал, чем понял, что никто не стреляет. За угасшим эхом пришла абсолютная, звенящая тишина. Время тянулось, но все люди по обе стороны вражды продолжали молчать.

— Товарищ лейтенант… — Я целую вечность ждал известия оттуда, из-за скалы, и этот приглушенный голос вывел меня из оцепенения.

— Абдукадыров, ты?

— Нас осталось трое, все остальные убиты.

— Что с Костюком?

— Его разорвало гранатой.

— Отходите, я вас прикрою… — Мы не успели договорить, несколько стволов с той стороны ударили по Абдукадырову на звук его голоса.

— Товарищ лейтенант, не стреляйте, мы идем, мы сами.

За скалой, где-то недалеко, долгой очередью загрохотал пулемет. Почти тут же, пригибаясь, оттуда выскочили два сержанта, Абдукадыров и Коцуев, я их уложил рядом с замполитом. Последним шел в полный рост, именно шел, рядовой Сергей Стансков. Тогда я еще не видел фильма про Рэмбо с крутым Сильвестром в главной роли, тогда я видел, как это делает двадцатилетний русский парень. Он медленно двигался спиной вперед, ощупывая ногами камни и оставаясь к врагу лицом. Тяжелый, мощный пулемет ПК, словно вросший в его правую руку, длинными очередями перемалывал пулеметную ленту. Он заставил духов заткнуться и теперь хладнокровно и расчетливо месил весь этот бугор с наименованием 3141.

Стансков прибыл ко мне в роту около месяца назад из штаба дивизии: проштрафился, рядовой не поделил с каким-то полковником девчонку в Баграме, а может, и не с полковником вовсе, важен итог — его отправили дослуживать до «дембеля» в самое злачное местечко, в Панджшер. Эту историю я узнал случайно, поскольку в документах в качестве основания для перевода значилась самовольная отлучка. Романтическая история и, кажется, совсем не вымысел: Стансков вел себя сейчас настолько отважно, настолько неустрашимо, как будто собирался жить две жизни. Или просто играл в рулетку… Думай, что хочешь, только выбора у этих троих не было.

— Коцуев, давай со Стансковым в тыл, прикроете нас сзади.

Мы с Колькой в два ствола плотными очередями начали обрабатывать высоту, чтобы парни смогли отойти на тыльную позицию. После разрывов гранат я понял, что духи нас обходят, что сзади наших нет. Как такое случилось, не знаю, но рассчитывать оставалось только на себя.

— Абдукадыров, теперь ты докладывай.

— Саперов убили сразу, всех троих. Мы за ними шли и успели укрыться, духи нас долго не доставали. А потом началось! Они нас стали расстреливать в спину, почти в упор.

— Все, не продолжай.

Последнее черное стеклышко легло в мозаику разгрома. Значит, духов в тылу сначала не было, а потом, определив, что на обратную сторону

хребта ни одно из наших подразделений не вышло, они сделали расчетливую вылазку. Это же так просто. Логика.

— Замполит, передай Лойке, пусть связывается с дивизионом, пристрелочный — прямо по отметке 3141, теперь можно.

Связиста я не видел, он был где-то в камнях, в нескольких метрах за моей спиной, но его нервный, дрожащий голос расслышал:

— Они приняли заказ, но дадут пристрелочный на пятьсот метров дальше.

— Что-о?

— Они боятся в нас попасть, мы слишком близко от цели.

— Скажи, пусть дают. Впереди живых нет. Мы все в укрытии.

Но тут Лойку словно прорвало, его безумные надрывные слова открытым текстом полетели в эфир:

— Спасите нас! Всех убили, нас осталось только восемь человек! — Это была истерика, и ее нужно было немедленно пресечь.

— Ты что несешь! Ты что несешь?! Я тебе башку о камни разобью, гаденыш, а ну, в глаза мне смотри! — Я вырвался из плена своего укрытия, на мгновенье забыв о вражеских выстрелах, напоминающих удары бича. — Вот я, живой, и умирать не собираюсь, ты понял меня?.. Абдукадыров, станцию ко мне!

Реакция в эфире последовала тут же, на связь вышел сам командир полка.

— «Ява», доложи, что у тебя. — Я уже погасил необузданную вспышку гнева и с командиром говорил спокойно и выдержанно.

— «Стрела», «Ява» на связи, веду бой, в головном взводе десять «ноль двадцать первых», группа *бородатых* обходит нас с севера, дайте огонь по высоте и по обратным скатам хребта.

— Понял тебя. Держись. Огонь обеспечу.

Артиллеристы не нарушили своих инструкций, да и кому хочется отвечать за неточность в наводке, за износ стволов. Снаряды уходили дальше и левее цели, их разрывы били сусликов и горных баранов и никак не влияли на войну. Хуже того, теперь сверху стали сыпаться гранаты, они перескакивали через навес нашей стены и разрывались где-то внизу, на склоне, едва не задевая нас осколками. Духи побаивались подойти ближе к обрыву и не видели, что мы прямо под ними.

— Абдукадыров, давай к Станскову, я бросаю две гранаты наверх, после второго разрыва вы вдвоем — на бугор, длинными очередями, веером обрабатываете всю высотку. Коцуев и Сафаров вас прикроют. Дальше по ситуации. Вперед!

Надвигались сумерки, продержаться оставалось совсем немного. Через минуту-две, вслед за разрывами РГД, наверху началась скоротечная глухая стрельба. С высоты духи в нас стрелять перестали, их планы вынужденно изменились, а может, и не изменились вовсе, просто зашло солнце, и они начали уходить.

С темнотой стрельба утихла совсем. На смену желто-красному диску солнца из-за горизонта выплыла луна, и мы с замполитом, как две бродячие собаки, пошли по полю брани, по полю мертвецов.

— Командир, смотри, вот они. Все — в спину.

Застывшие в своих последних позах, между камней лежали мои солдаты. Я всматривался в их лица, в гримасы страданий, чтобы понять, какую они приняли смерть, и закрывал остекленевшие глаза. Я привел их на этот погост, не уберег, не спас, как бывало раньше. У меня никогда

не было таких потерь, что же случилось сегодня? Приказ комбата? Не только. У него свой крест, и он его будет нести, но я-то не насторожился. Там, на перевале, где тропа разошлась с гребнем, лежал страшный разлом судьбы, а я его проскочил, не оглянулся, даже сердце не кольнуло. И вот теперь они лежат, их десять, и у них есть право предъявить мне счет. Надо запомнить последний день их жизни, надо все запомнить, иначе я ничем и никогда перед ними не оправдаюсь.

Всех погибших на плащ-палатках перенесли на ровное место, уложили в один ряд. Черновязов и еще два сержанта при свете фонарей опознавали тела, составляли акт о смерти. Ошибки быть не должно. На руке каждого убитого замполит писал фамилию, номер войсковой части, дату смерти. Как он мог это делать? Как-то мог, и это было частью его работы. Вот они... Ердяков, Золочевский, Коровитов, Омаров, Покровский, Рабаданов... Три сапера... Замполит уже листает военные билеты, ищет их фамилии. Когда открыли очередную плащ-палатку, я не узнал Петю Костюка, всего за три часа его тело высохло, сжалось, да и вообще от него осталось только полтела. Еще прошлой ночью он просился в отпуск, к младшей сестре на свадьбу, я пообещал его отпустить. Прости, Петя, не будет тебя на этой свадьбе, прости. Земля тебе пухом, тебе и твоим солдатам.

Гнетущая, тяжелая тоска захватила меня в плен, в душе было пусто, как будто из нее, как из сосуда, вылили все содержимое, да еще и высушили паяльной лампой. Хотелось побыть одному, накуриться до одурения, раствориться в этой черной ночи. Я знаю, что мне в очередной раз повезло, меня опять не убили, но почему-то от этого не становилось легче.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Пара штурмовиков Су-25, отбомбившись в районе Файзабада по группировке полевого командира Фаруха, возвращалась домой. Боевое задание летчики выполнили успешно, если не считать двух дырок в левом крыле у ведомого. Сначала все шло, как и было задумано, вышли на цель и накрыли ее точно, с первого захода, но уже после сброса пришлось понервничать, когда несколько крупнокалиберных пулеметов ударили по ним перекрестным огнем. Повторный заход на цель делали с превышением высоты бомбометания, рисковать не хотелось.

Теперь штурмовики сжигали в своих двигателях оставшееся горючее и уже начали медленное снижение. До Баграма, базового аэродрома, не более сорока километров прямой дальности, подлетное время три минуты, высота восемь тысяч над уровнем моря, полет нормальный. Бездонное синее небо, чуть прикрытое вуалью перистых облаков, не привлекало к себе внимания пилотов, небо как небо, все самое важное здесь всегда происходит на земле. Пилот ведомой машины, капитан Левин, после передряги в ущелье окончательно пришел в себя, чуть расслабился и ожидал вскоре увидеть посадочную полосу своего аэродрома. С удовлетворением он отметил про себя: *проходим Саланг*, и посмотрел вниз на проплывающую под крылом горную хребтину, как вдруг на мгновение оцепенел. На серо-коричневом фоне земли вспыхнул и тут же скрылся в клубах пыли ярко-огненный шар. Подтверждая его опасения на приборной панели противно заныла «Береза», ее сигнал нарастал. Вырвавшись из пыльного плена, светящаяся точка стала стремительно приближаться,

оставляя за собой дымный след — *черт, это же ракета*. Он не ошибся, это была ракета, и она уже захватила свою цель.

— «Алмаз», я — 26-й, нас атакуют!

— Правый разворот, уходи вниз! — Противоракетные пиропатроны штурмовики расстреляли еще при бомбометании, хотя там они оказались излишней подстраховкой, оставалась последняя надежда на маневр. Левин свалил машину на правое крыло и она, набирая скорость, пошла навстречу земле. Неба не стало, вокруг от края до края только земля, только изрубленные хребты Гиндукуша. Серо-коричневая планета стремительно приближалась. Ручку управления на себя. Адская многотонная сила надавила на плоскости самолета, вытаскивая его из пике, кровь ударила в затылок, в глазах потемнело. Ну, еще, еще несколько секунд! Еще разворот. Нет, поздно. Самонаводящийся зрачок «Стингера» воткнулся в левый двигатель, и чужая ракета разворотила его изнутри. Штурмовик, закручиваясь в штопор и теряя куски обшивки, начал беспорядочно падать.

— 26-й, катапультируйся, я прикрою! — Но Левин и без команды уже нажал этот полузапретный почти мистический рычаг — не добили в воздухе, добьют на земле, орел или решка — и его, как снаряд, вырвало из кабины вместе с креслом пилота, а через считанные секунды он уже завис над Салангом на стропах парашюта.

У летчиков свой страх, неведомый танкистам и пехоте. Их в воздухе всегда только двое: ведущий и ведомый, и если что случится с одним, второй может помочь только бортовым оружием. А что еще будет после приземления? Об этом лучше не думать. Левин беспомощно болтался под куполом в ожидании, когда по нему начнут бить с земли, не дав даже опуститься. Мурашки бежали по спине, холод закрадывался в самое сердце. Одна надежда на командира. Майор Владимиров, пилот первого класса, умел выписывать в воздухе любые кренделя, но что он мог сделать сейчас?

— Я — «Алмаз-25». Всем, кто в воздухе! В районе Саланга сбит мой напарник. У меня на исходе топливо. Всем, кто в воздухе, на помощь! — Его штурмовик, выполнив боевой разворот, лег курсом на точку пуска зенитной ракеты и начал сближение с целью. *Вот этот бугор. Ну, получи, собака!* Две ракеты «воздух-земля» рванулись из-под плоскостей, но он продолжал снижение и, спустя секунду-другую, нажал на гашетку бортовых пушек — две длинные жадные струи снарядов ушли следом за ракетами. Цель заволокло облаками пыли, и Владимиров, взяв на себя штурвал, начал форсированно набирать высоту. Облетел вокруг Левина, тот махнул рукой, жив ведомый. Еще пару кругов и надо уходить.

— «Алмаз», я — «Крапленый», иду к тебе, продержись три минуты. Уточни координаты падения «грача»...

Везет же старшинам. Их роты где-нибудь на операции, животами горы утюжат, а они, знай себе, бдительно стерегут ротное имущество, столовая рядом, банька рядом. Нет-нет, в командировку можно слетать, в Баграм, там цивилизация, то Аня Вески с концертом заглянет, то «Песняры» приедут, да и девчонки в медсанбате как с конкурса красоты. Что есть, то есть, тут уж не отнять, везет старшинам. Вот в такой командировке и оказался сейчас доблестный старшина мотострелковой роты Дмитрий Зданович. Вместе с Надеждой, полковой маркитанткой, он летал на базу за товарами для ее магазина. Крепок был телом этот самый Зданович. Коренастый, плотно сбитый, он даже вызывал некоторую зависть у

молодых офицеров батальона, да и те самые девчонки из медсанбата любили его или, скажем, искренне уважали. И знали, за что. Душа нараспашку, щедр, независим, холост ко всему прочему. Успел и жизнь посмотреть, и охотником, и геологом побывать, и на рыбацком сейнере ходил, и где он только не подвизался, теперь вот решил пройти и последнюю мужскую дорогу — войну.

Командировка заканчивалась, оставалось минут пятнадцать полета до Рухи, большого горного кишлака, в котором располагался его родной полк. Внезапно дверь кабины пилотов открылась, и Сергей, молодой борт-механик транспортно-боевого вертолета Ми-8, стараясь перекричать шум двигателей и винта, громко бросил в салон:

— Рухи не будет, идем на Саланг, там «грача» сбили, никого ближе нас нет. — Надежда всполошилась, но тут же взяла себя в руки, у ее магазина как-то мина разорвалась, и войну она знала, в том числе и по запаху тротила.

— Что мы будем делать?

— Летчика спасать, — Зданович заметно оживился. — Вот это дело, это по мне.

Вертолеты или *вертушки,* как их часто называют, тоже ходят парами, и два «Крапленых», как привязанные друг к другу, с левым креном и резким набором высоты пошли в указанный квадрат. Им труднее, чем самолетам, выжить в бою, и скорость, и предельный потолок ниже, а потому и тактика у них другая, осторожная, осмотрительная, времени же для принятия верного решения на этот раз было в обрез. Шли по дуге, не приближаясь к горным вершинам и всматриваясь в каждый разлом неласковой земли. Судя по карте, в районе падения только скалы, и место для посадки выбирать будет трудно.

— «Алмаз», мы на прямой видимости, что с твоим напарником?

— Приземлился. Я наблюдаю его, жив. *Духов* рядом нет.

— Все, уходи, мы им займемся.

Легко сказать *займемся*, но как же сесть в этой расщелине? Нужна разведка.

Невзирая на стресс своих пассажиров и груз, отстреливая тепловые шары-ловушки, вертолеты, как заправские пикирующие бомбардировщики, начали падать в ущелье. Их, конечно, засекли еще на подходе, значит, надо уйти из-под огня, скрыться почти у самого дна. Слева и справа выросли отроги гор, до земли менее ста метров, но здесь опасны даже автоматы. Ставка только на неожиданность и маневр. Головную машину вел майор Карпухин, говорят, пилот от Бога, и теперь у него появилась возможность это доказать. Скорость на пределе, как в калейдоскопе, по обоим бортам мелькают отвесные стены и скалы, и снова — скалы и стены. Теперь уже, как заправские таксисты, «Крапленые» выписывали рискованные виражи, это был кураж, но и единственный шанс не получить пробоин.

— Справа по борту вижу купол!

— Выше по хребту вижу пилота, отстреливается из автомата.

— Второй, помоги ему. Я ухожу на круг, буду садиться.

Ведомый, чуть притушив скорость и изменив курс, не прицеливаясь, врезал длинную очередь из трех пулеметов в предполагаемое место цели. *Держись, братишка, мы сейчас вернемся.*

Надежда давно бы уже потеряла сознание, если б не уткнулась носом в широкую грудь Здановича.

— Ну-ну, не бойся, все будет нормально, ребята классные, я с ними уже летал.

Вертолет безостановочно бросало из стороны в сторону, а они, вцепившись в такелажные ремни и друг в друга, еле удерживались, чтобы не сорваться с места. Автомат колотил старшину по спине, и в голове у него образовалась каша из мыслей, воя турбины, фрагментов картины, рвущейся в иллюминаторах вертолета.

Двигатели взревели еще сильнее, пассажиров вжало в сиденья, сердца одновременно ухнули вниз — Ми-8 резко пошел вверх, но сквозь рев и свист старшина расслышал знакомые хлопки выстрелов. *Если в нас, то дело худо, еще поджарят.* Выполнив круг, вертушка снова начала падать, у них перехватило дыхание, а сердца словно застряли где-то в горле. Надежда что было сил вцепилась ногтями в его спину, и Зданович успел подумать, вот в бане мужики смеяться будут: залюбил кого-то до смерти. Справа он увидел ведомого, тот шел много выше, почти горизонтально, а от его подвесок тянулись четыре седых шлейфа от выпущенных ракет. Снова началась жуткая болтанка, но вот вертушка зависла, будто вынюхивая точку посадки. Время — на секунды. Бортмеханик выскочил из кабины, открыл дверь и замер в нерешительности. Машину восходящими потоками воздуха качало из стороны в сторону.

— Серега, что?

— Митрич, мы сидим на одном колесе. Полметра вправо — и без лопастей останемся.

— Летчик где?

Старшина сам выглянул в проем и увидел перескакивающего через камни летчика. Тот бежал, постоянно оглядываясь назад, где-то рядом мог быть хвост.

— Митрич, мы не сможем сесть ниже, а тут почти три метра до камней, он не допрыгнет до нас.

— Что-нибудь сообразим, зови второго пилота.

Зданович лег животом на днище и прокричал Левину: «Давай!» Тот прыгнул, потом еще раз попытался, и еще, но у него ничего не вышло, еще бы немного... Борьба за жизнь на земле забрала слишком много сил, да еще амуниция... Обернувшись в салон, старшина прокричал обоим вертолетчикам:

— Вот что, держите меня за ремень и за ноги, я его вытащу, другого выбора нет, — он улегся на живот и почти по пояс свесился вниз.

— За плечи меня хватай, потом за борт, я помогу, ну! Давай!

Левин прыгнул. Его пальцы клещами вцепились в руки Здановича выше локтей, но машину раскачивало, и большего сделать не получалось. Старшина, удерживая его за комбинезон и еле выдавливая из себя слова, прорычал:

— За ше-ею, — и чуть подтолкнул тело летчика вверх.

Его самого держали изо всех сил, надрываясь, упираясь ногами, плечами в борта вибрирующей машины, не осталась в стороне и Надежда. Схватившись одной рукой за стойку сиденья, другой она тянула на себя старшинский ботинок и почти плакала от своей женской немощи. Карпухин не напрягал мышц, но по его спине медленным ручейком стекал пот — он ждал, он просто ждал. И он единственный, кто видел, что происходило вокруг. А он видел *духов*. Они бежали по тропе в предвкушении легкой добычи и через минуту-две могли открыть прицельный огонь.

— Второй, цель прямо по курсу, тысяча метров, чуть ниже гребня. *Бородатые*. Поработай по ним.

— Понял, выполняю.

— Постарайся.

Левин перехватился рукой за крепкую шею старшины. Она вздулась от дикого напряжения и удержала груз. Теперь Зданович добрался до брючного ремня, схватил его намертво и приложил к нему все, что еще осталось от его недюжинной силы, поднимая летчика вверх.

— За бо-орт.

Пальцы Левина дотянулись до борта, взяли его, старшина это почувствовал сразу.

— Серега, тяни его, тяни!

Через минуту все было кончено. Левин на коленях дополз до сиденья и упал на него, а Зданович так и остался лежать на полу салона, испытывая нахлынувшую на него усталость.

— Уходим.

Вертолетчики заняли свои места, и машина, подрабатывая себе тремя курсовыми пулеметами и набирая скорость, помчалась вдоль ущелья. Справа, высоко над ними, прошла пара прибывших на поддержку штурмовиков.

— «Крапленый», я — «Алмаз-17», что у вас?

— Порядок, клиента забрали, цел.

— Хорошо, давайте на базу, а мы тут еще подчистим.

О Рухе и разговора не вели, возвращались в Баграм. Надежда постанывала, вообще-то ей хотелось домой, в свой магазин, но от нее здесь ничего не зависело. Еще никто не мог толком понять, что произошло, что они сотворили, даже Левин не осознавал своего спасения и только медленно отходил от психической перегрузки, словно оттаивал.

— Эй, пехота, тебя как?

— Зови Митрич, а сам?

— Слава, — он сполз на пол, поближе к старшине. — Митрич, я твой должник навек. Спасибо, брат.

— Само собой, должник, и чувствую, что ты не расплатишься…

В Союзе это назвали бы вечеринкой. Только синие, зеленые, камуфлированные куртки и регланы присутствующих да упрощенная сервировка на дощатых столах говорили о том, что здесь гуляют военные, настоящие военные. Народу собралось много. Вторая эскадрилья «Алмазов» пригласила к себе вертолетчиков, и уж, конечно, зваными гостями были Зданович с Надеждой, во главе стола сидел легендарный полковник Кротов, Командир. Значимость момента подчеркивалась запахом одеколонов, свежими подворотничками и начищенными ботинками, что в условиях боевых действий считалось особым шиком. Согласно рангу слово взял Командир:

— Коллеги, братья. Жизнь еще раз показала нам, что на свете все возможно. Возможно, если мы хотим победить, если мы действуем вместе. Я пью за наше братство, за то, что мы одной крови! — Эмалированные кружки издали дробный перезвон, и теплая водка одарила присутствующих праздничным живительным пламенем.

— Слава, давай! Слово крестнику… — Голоса не утихали, природа не терпит пустоты, а веселая компания — долгих пауз. Слава, будучи за этим столом именинником, конфузился общим вниманием.

— Да, тут что говорить, мы с ребятами теперь родственники, я им должен каждую минуту своей жизни. Ребята, давайте за вас! Митрич, за тебя! — Хмель понемногу начал ударять всем в голову — кого расслаблял, кого бодрил, но строгая торжественная часть не могла быть закончена, пока не поднят и не выпит третий тост.

Встал Командир. Разговоры умолкли, и все поднялись следом за ним. В повисшей тишине разлилось нервное напряжение, глаза не встречались с глазами, а тревожно смотрели в глубину кружек, словно выискивая на дне, под слоем водки такую близкую и такую недоступную правду о тех, кого уже нет.

Выпили залпом и досуха. Командир попрощался и ушел, а общий застольный разговор сломался, раздробился, стал переплетением будничных и почти фантастичных армейских историй. Не говорили только о доме, о том другом, нереальном мире, оставшемся в неведении, в довольстве, в радости. Разве они там поймут? Разве они знают, что такое настоящая жизнь и как дорого она стоит?

— Э-э... Вот неделю назад у соседей по МиГу ракету выпустили, ты знаешь, что он сделал? Он пошел со снижением, гари на всю катушку, так она его не взяла, не успела, у нее ведь тоже есть предельный радиус.

— Ну, по идее, надо на солнце уходить.

— Так-то оно так, только, пока будешь вертеться, скорость потеряешь, а там, как знать, «Стингеров» у духов стало много...

— Ладно, мужики, давай за женщин! За женщин на войне, за то, что они не дают нам забыть вкус жизни! — Гул одобрения, грохот отодвигаемых лавок слились в одну приятную музыку...

— За Надюшку...

За вечер с переходом в ночь выпили много, правда, с водки пришлось перейти на спирт и самогон, а поэтому утром Зданович встать не смог. Его, как гостя, опохмелили, накормили и снова отправили спать до вечера. Надежде эти мужские штучки были непонятны, и она днем улетела в Руху с плановыми бортами, где обстоятельно доложила командиру полка, в какую историю они попали, и что старшину летуны так просто не отдадут.

— Ладно, пусть покуражится, — на том и порешили, тем более что «звонил» Кротов и просил считать старшину в командировке.

Спустя еще сутки Зданович и сам решил раскланяться с гостеприимными хозяевами, поблагодарить за хлеб-соль, но случилось непредвиденное. На аэродроме, у вышки управления полетами, где он ожидал свой вертолет, внезапно возникла тревожная суета, лица диспетчеров стали сухими и сосредоточенными, почти тут же в небо ушла дежурная пара штурмовиков, а спустя пять минут на «уазике» примчался Командир.

— Над Чарикарской зеленкой сбили «17-го». Там духов полно. У него нет шансов, пропал парень, — на ходу бросил старшине знакомый пилот.

— Ну, а вы-то что?

— Поквитаемся, Командир такие вещи не прощает.

И еще одна пара «грачей» с необузданным ревом ушла на взлет.

В закрытой от солнца масксетями беседке Зданович нашел Владимирова и своего «крестника», они ждали команды на вылет и неторопливо курили. Левина временно пересадили на другую машину.

— Садись, Митрич, вертушек на Руху сегодня не будет, всем дали отбой.

— Знаю.

— Говорят, там сейчас очень горячо, взвод десантников отправили на высадку, как бы ребят понапрасну не положили, одним взводом не отделаешься.

— Бывал я со своими и в самом Чарикаре, и в зеленке пришлось, лучше в горах воевать. А в общем, везде несладко.

Командир через афганскую контрразведку связался с духами. Пригрозил им, если тело не отдадут или изувечат, с землей кишлак сровнять. С него станется, он слов на ветер не бросает, это и духам известно.

К вечеру десантники доставили тело пилота. Сами они, благодаря плотной поддержке авиации, отделались двумя ранеными, а тот, кого они привезли, был нафарширован свинцом. Все ранения смертельные — не мучился. Последнюю очередь, по всей видимости, сделали уже в мертвого, в упор, на большее, на бесчинства, не решились. Дорого он им достался даже на земле, как рассказали десантники, вокруг него лежало около двадцати трупов. Наверное, духи не предполагали, что он вооружен, а может, обкурились, вот он им и врезал в полный рост. Да и не было у него другого выбора, летчику в плен нельзя…

Утром прощались с пилотом. На аэродроме со знаменем выстроился весь полк. После команды «Смирно!» Су-25 с бортовым номером 01, перекрыв ревом своих турбин все звуки мира, ушел в небо. На малой высоте, не считаясь с нормами безопасности, Командир рисовал фигуры высшего пилотажа. Прекрасная и грозная картина восхищала, тяжелая машина казалась легким перышком в руках Мастера. Он прощался со своим пилотом, который до последней секунды оставался советским офицером, оставался в строю его полка. Последним аккордом стала «свечка», черная птица воткнулась носом в самое небо, опрокинулась, свалилась в штопор и уже у самой земли, фыркнув двигателями, перешла в планирующий полет. Командир еще не сел, а в небо ушло звено, потерявшее своего товарища…

Торжественный спектакль продолжался. Он звучал мощью, гордостью, терзал человеческие души, играл на их потаенных струнах. Боевые машины писали ажурную вязь над телом ушедшего пилота, люди отдавали последний салют единоплеменнику, они прощались. «Спи спокойно, брат».

Зданович стоял с непокрытой головой вместе со всеми, ошеломленный, растерянный, и на его глаза непрошено наворачивались слезы.

□ □